

Література

1. Близнюк Б. Б. Сучасні гуцульські прізвища в історичному розвитку: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Львів. держ. ун-т ім. І. Франка. – Львів, 1997. – 23 с.
2. Бучко А. Е. Фамилии Бойковщины в период их становления и в наши дни: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Ужгород. гос. ун-т. – Ужгород, 1986. – 20 с.
3. Ільченко І. І. Антропонімія Нижньої Наддніпряни в її історичному розвитку (надвеликолузький регіон): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Запоріж. держ. ун-т. – Запоріжжя, 2003. – 166 с.
4. Корнієнко І. А. Прізвища Дніпровського Припорожжя (граматична структура, морфемна структура, лексико-семантична база, походження): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Дніпропетров. нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2004. – 176 с.
5. Космакова Т. Д. Лингвистический анализ антропонимов Правобережного Побужья: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Ужгород. гос. ун-т. – Ужгород, 1980. – 23 с.
6. Кравченко Л.О. Антропонімія Лубенщини: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2002. – 20 с.
7. Маргалога Т. В. Антропонімія північного Степу України: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Дніпропетр. держ. ун-т. – Дніпропетровськ, 1997. – 16 с.
8. Неділько О. Д. Антропонімія Северної частини Левобережної України (второї половини XVII – першої половини XVIII вв.): Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. – К., 1969. – 29 с.
9. Панцьо С. Е. Антропонімія давньої Лемковщини: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Ужгород. гос. ун-т. – Ужгород, 1985. – 22 с.
10. Панчук Г. Д. Антропонімія Опілля: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Терноп. держ. ун-т. – Тернопіль, 1999. – 155 с.
11. Познанская В. Д. Антропонімія юго-восточної України: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Харьков. гос. ун-т ім. М. Горького. – Харьков, 1983. – 197 с.
12. Сухомлын І. Д. Основы Полтавской ономастики (по материалам Полтавских актов XVII века): Автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Харьков. гос. ун-т ім. М. Горького. – Харьков, 1964. – 20 с.
13. Фаріон І. Д. Українські прізвищеві назви Прикарпатської Львівщини наприкінці XVIII – початку XIX ст. (з етимологічним словником). – Львів: Літопис, 2001. – 370 с.
14. Чучка П. П. Антропонімія Закарпаття: Дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.01 / Киев. гос. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. – К., 1969. – 978 с.
15. Шеремета С. В. Антропонімія північної Тернопільщини: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Прикарпат. ун-т ім. Василя Стефаника. – Івано-Франківськ, 2002. – 20 с.

Быщенко Т. А.

О КОГНИТИВНОЙ ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПРЕССИВОВ ПЕЧАЛИ

Проблема вербализации эмоций стала объектом интенсивного анализа в когнитивной лингвистике в настоящее время. Уже заложены теоретические основания определения базовых эмоций с использованием семантических примитивов [3], а также с применением теории метафоры и фреймового представления вербализации эмоций [1], [6], [8], [9] и др. Установлен когнитивный характер категории эмотивности, выделены эмоциональные концепты [5], однако их толкование требует дальнейшего уточнения. Данная статья посвящена когнитивному анализу речевых актов экспрессивов (РАЭ), служащих выражению печали. Ее целью является моделирование прототипического сценария вербализации данной эмоции, а также анализ особенностей ее выражения в английском дискурсе.

Представим прототипический сценарий формирования интенции и реализации РАЭ печали в следующем виде (виды печали, такие как грусть, уныние, страдание, горе, обусловленные ее интенсивностью, являются вариантами данного сценария) [2, с. 88]:

воздействующий стимул (физическое либо ментальное восприятие ситуации, вызывающей печаль) → оценка данной ситуации как нежелательной для субъекта → переживание печали, обусловленное данной ситуацией и ее оценкой → РАЭ печали как речевая реакция.

Воздействующим стимулом печали выступает некоторое действие, нарушающее благополучие субъекта. Оно оценивается субъектом как потеря чего-то ценного, утрата роли, которая лишает его важных для него отношений с людьми, что делает его несчастным, упавшим духом, недовольным собой, зачастую он чувствует свою беспомощность, обескураженность, а это, в свою очередь, ведет к изолированности, одиночеству, отчуждению. Печаль является результатом когнитивного диссонанса между информацией об утрате какой-либо ценности и информации об удовлетворенности и гармонии субъекта с окружающим его миром:

$$Э_{печаль} = f [П, (I_{утрата} > I_{гармония})]$$

(где Э – эмоция, f – функция, П – пропозиция, I – информация). Все это ведет к переживанию печали, проявляющемуся в физиологических реакциях организма субъекта (вялость, слабость и т. д.), а также в торможении физической и умственной активности субъекта. У него появляется желание дать понять окружающим, что ему плохо. В РАЭ печали отражается характерная особенность данной эмоции – субъект, испытывающий печаль, разговаривает мало и неохотно, а темп его речи замедлен [4, с. 199].

По нашим данным, РАЭ этого типа фигурирует лишь в неофициальных ситуациях. Как правило, высказывания, выражающие печаль, произносятся в тех ситуациях, когда говорящий общается с близкими людьми (родственниками или знакомыми), имеющими равный социальный статус с говорящим (1), а также когда статус говорящего ниже статуса слушающего (2) и в некоторых случаях – статус говорящего выше статуса слушающего (3):

(1) девушка говорит своему возлюбленному:

«I'm not worthy of you – no, I am not!» (Hardy)

(2) простой человек расстроен тем, что сенатор выгоняет его из-за того, что он влюблен в его дочь:

Jaffeur. I loved her for herself, not as the heiress of the great Priuli —

Priuli. No more! (Otway)

(3) король переживает предательство одного из своих офицеров:

King. There's no art

To find the mind's construction in the face (Shak., Macbeth, I, 4, 13-14).

РАЭ печали встречаются в общении незнакомых людей лишь в единичных случаях. Это позволяет предположить, что при глубоком и интенсивном переживании не соблюдаются общепринятые нормы поведения в английском обществе, согласно которым не следует открыто проявлять печаль в присутствии незнакомых

людей. Происходит это ненамеренно, так как в данном состоянии человек практически не контролирует свое поведение и речь.

Так, на глазах у мужа жену сбила машина, вокруг него находятся незнакомые люди:

He flinched and began to cry «Oh, my God!» again in his groaning voice (Fitzgerald).

Для РАЭ печали характерна адресованность самому себе, например, оставшись один, сэр Питер восклицает:

Sir Peter. 'Tis now six months since Lady Teazle made me the happiest of men – and I have been the most miserable dog ever since (Sheridan).

Выделяются следующие темы, характерные для вербального выражения печали:

§ длительная разлука либо утрата близких или родных (смерть, разрыв любовных отношений), так, служанка переживает по поводу смерти младенца хозяйки:

«Oh! he's dead!» said Susannah (Sterne).

– Антоний требует, чтобы Клеопатра исчезла из его жизни навсегда, чем разбивает ее сердце:

Cleopatra. I cannot go one moment from your sight, and must I go for ever? My joys, my only joys are centered here (Dryden).

§ боль (как физическая, так и духовная), болезнь или увечье говорящего или близкого ему человека:

Ursula. I ha' scalded my leg, my leg, my leg, my leg (Jonson).

§ утрата самоуважения говорящего (собственная никчемность, слабость, нерешительность), например, мужчина жалуется своему близкому другу:

«I'm a buffoon. I'm not the sort of man that women love, I've always known that» (Maugham).

§ разочарование (предательство, измена, реальная или воображаемая неудача в социальных контактах, проблемы в отношениях возлюбленных, неразделенная любовь, поведение собственных детей, несбывшиеся мечты, недостижимые цели).

Например, Тэсс разочарована в жизни и в окружающих ее людях:

«I wish I had never been born there or anywhere else!» (Hardy)

– надежды девушки на то, чтобы переехать в другой город, открыть свое дело и начать новую жизнь, рухнули в одно мгновение:

She felt as if she had a hot stone lodged in her throat. «I don't have any reason to go there. Sam was right. Everybody was right. Great» (Campbell).

§ потеря говорящим материальных ценностей (денег, вещей):

Cokes. Ha! hum'h ! O God! my purse is gone, my purse, my purse! (Jonson)

Кроме того, печаль может быть вызвана воспоминанием или предвидением условий, при которых она возникла или должна возникнуть.

Так, говорящий вспоминает о том, как он расстался со своей возлюбленной, и вновь переживает то же ЭС:

«I remember telling Lois that we'd have to postpone the honey-moon until I'd sorted things out, but I never realized» – He stopped and took a shuddering breath (L. Gordon).

– служанка опечалена тем, как воспримет хозяйка смерть своего сына:

«O! 'twill be the death of my poor mistress,» cried Susannah (Sterne).

С помощью контекста можно определить исходную и конечную постакторечевую интенцию высказываний, передающих печаль прямыми способами (см. модель речевого акта в [7]). Так, исходной постакторечевой интенцией может выступать:

1) мольба о сострадании, о сопереживании, например, мужчина обращается к своему другу:

«Oh, if you knew the frightful anguish in my heart,» he said (Maugham).

2) изменение своего отношения к объекту, служащему причиной печали: так, когда Уолтер узнает, что причиной его ареста является заявление его друга, он одновременно поражен и убит горем, а также разочарован в так называемом друге, и все это он выражает в одном высказывании:

«My friend – Hugh!» (Trent)

3) объединение и сплочение людей, связанных одним несчастьем: Макдуф узнает об убийстве короля Дункана и, выражая свое горе, надеется объединить людей для поиска убийцы:

Macduff. O horror, horror, horror! Tongue not heart Cannot conceive nor name thee! (Shak., Macbeth, II, 3, 67-68)

4) желание устранить причины печали, так, смех мужа в тот момент, когда решается судьба их брака, вызывает невыносимые страдания у жены:

«Don't – don't! It kills me quite, that!» she shrieked (Hardy).

Актом конечной постакторечевой интенции является получение помощи, сострадания, изменение поведения того, кто является источником печали.

Так, тема, затронутая собеседником, вызвала печаль у Сомса и желание прекратить ее обсуждать, что, в свою очередь, находит понимание у собеседника:

«Well,» said Soames, turning away, «it's rather sad and painful to me.»

«Oh! sir,» returned Smither anxiously (Galsworthy).

РАЭ данной разновидности, выраженные косвенно, могут иметь иную исходную акторечевую интенцию, непосредственно связанную с сопутствующей иллюкутивной силой данных высказываний:

1) спрашивание, например, женщина убита горем из-за того, что ее компаньонка больше не хочет ее видеть:

«But why, why won't she see me again?» Miss Briggs bleated out. «Oh, Matilda, Matilda, after three-and-twenty years' tenderness!» (Thackeray).

2) предположение: женщина, которую собирается оставить любимый мужчина, говорит:

«O, what only hurts me now would torture and kill me then!» (Hardy).

В отдельных случаях иллюкутивную силу, реализованную косвенно, позволяет определить лишь контекст.

Так, например, Тэсс убита горем, поскольку ее муж после долгой разлуки, не найдя ее дома, вновь ушел: «*Now he is gone. Gone a second time, and I have lost him now for ever*» (Hardy).

Исходной постакторечевой интенцией РАЭ печали, выраженных косвенно, может выступать воплощение желаний адресанта.

Так, Аквиллина переживает по поводу того, что ее собирается бросить ее возлюбленный, и пытается его остановить:

Aquilina. *Is love so soon and utterly forgotten?*

Pierre. *As you henceforward treat your fool, I'll think on't* (Otway).

Адресант, как правило, представлен в данной разновидности РАЭ эксплицитно, с помощью местоимений *I / me, we / us*, а представление слушающего в РАЭ печали факультативно.

Например, Клеопатру бросает ее любовник:

Cleopatra. *I'm lost too far; I'm ruin'd!* (Dryden)

– Шейлок обращается к собеседнику, причиняющему ему страдания:

Shylock. *Thou tortures me, Tubal* (Shak., *The Merchant of Venice*, III, 1, 119).

В большинстве случаев данные высказывания функционируют в начале / середине речевой интеракции. Если же тема разговора вызывает глубокое переживание или адресат не высказывает сочувствия или не понимает говорящего, то высказывание используется для замыкания речевой интеракции.

Например, женщина убита горем из-за известия о том, что она должна расстаться со своим возлюбленным, и не хочет продолжать этот разговор:

She stared at him, understanding now, yet disbelieving. «No,» she said. «Oh, no!» «No!» she sprang to her feet. «I'm not going there – or to any quiet place in Pennsylvania» (MacInnes).

Таким образом, проведенный анализ позволил определить сложный механизм формирования интенции и реализации РАЭ печали в английском дискурсе. Перспективой для дальнейшего исследования является аналогичный анализ вербализации иных эмоций, а также изучение механизмов формирования интенции и реализации различных речевых актов.

Источники и литература

1. Апресян Ю. Д. Эмоциональная система // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. 2. – С. 366-373.
2. Быченко Т. А. Историческая динамика экспрессивов негативной эмоциональности в английском дискурсе XVI – XX вв.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Х., 2003. – 210 с.
3. Вежбицкая А. Язык, культура, познание: Пер. с англ. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
4. Изард К. Е. Психология эмоций: Пер. с англ. – СПб.; М.: Х.; Минск: Питер, 2002. – 460 с.
5. Красавский Н. А. Концепт «печаль» (опыт лингвокультурологического анализа русских и немецких пословиц) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этноса: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 10-23.
6. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или Где эмоция – там и когниция / В. З. Демьянков, Л. В. Воронин, Д. В. Сергеева, А. И. Сергеев // С любовью к языку: Сб. науч. тр.: Посвящается Елене Самойловне Кубряковой / РАН. Ин-т языкознания, Воронеж. гос. ун-т. – М.; Воронеж, 2002. – С. 29-36.
7. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение XVI–XX вв.: Монография. – Х.: Константа, 1998. – 168 с.
8. Kövecses Z. Emotion concepts. – New York etc.: Springer-Verlag, 1990. – 344 p.
9. Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. – Cambridge: CUP, 1987. – P. 195-221.

Валуева Т. В.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ КАЗАХСТАНА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Исследование прецедентных феноменов того или иного национального дискурса является одним из способов выявления национально-культурной составляющей этих дискурсов в рамках лингво-когнитивного подхода к коммуникации. Актуальность данных исследований заключается в том, что изучение национально-культурной специфики любого текста позволяет выявлять особенности мышления того или иного этноса, его связь с культурой, историей народа, идеологией государства, которое он составляет.

Определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества определяется исследователями как когнитивная база. «Именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер, позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам» [1, с. 92-93].

Ученые выделяют следующие составляющие когнитивной базы – когнитивные структуры, которые ее формируют, и прецедентные феномены, хранящиеся в когнитивной базе в форме когнитивных структур и являющиеся основными составляющими когнитивной базы.

Под прецедентными феноменами понимаются отраженные в коллективном сознании «культурные предметы» (феномены материального и духовного мира) [1, с. 100], особая группа вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности [1, с. 106], «ядерные» элементы когнитивной базы [2, с. 113], феномены «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 82], [4, с. 216].

Изучением прецедентных феноменов занимались такие исследователи, как Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, А. Е. Супрун,